

ВСТУПЛЕНИЕ

Во имя прелюбого и милостивого Господа!

Слава Господу, милосердному Царю, Создателю вселенной, поднявшему небеса без столбов и, как ложе, рассеявшему землю¹. Да снизойдет благословение и мир на царя апостолов, нашего господина и учителя Магомета, и его семью, да снизойдут на него до дня Страшного суда долгое и прочное благословение и мир.

Приступаем к рассказу: жизнь предыдущих поколений может служить уроком для будущих. Замечательные происшествия, случившиеся с другими, могут служить человеку предостережением, а история народа прежних времен и всего, что с ним происходило, может обуздать его. Да будет прославлено совершенство того, кто обратил историю прежних поколений в урок последующим. Тем же могут служить рассказы

«Тысяча одной ночи» со своими романтическими историями и сказками.

Говорят, что в былые времена жил царь Индии и Китая, владевший многими войсками, телохранителями, служителями и домашней прислугой; у него было два сына: старший — уже взрослый, а младший — еще юноша. Оба царевича были прекрасными наездниками, в особенности старший, наследовавший царство отца и правивший своими подданными с такой справедливостью, что все обитатели его царства и все население любили его. Его звали царем Шахрияром², а младшего брата звали Шах-Земаном³, и он был царем Самарканда. Они правили своими государствами и царствовали над своими подданными в течение двадцати лет благополучно и счастливо. По прошествии этого времени старший царь почувствовал сильное желание видеть своего брата и приказал своему визирю⁴ отправиться к нему и привести его.

Посоветовавшись по этому поводу с визирями, он тотчас же отдал приказ

¹ Слова, переведенные «как ложе», следует объяснять арабской системой космографии. По общему мнению арабов, поддерживаемых Кораном, существует семь небес, одно над другим, и семь земель, одна под другой. В мусульманских книгах после первой вышеупомянутой фразы начинается хвала и благодарность Аллаху за Его власть и милость и просится благословение на пророка. В этих фразах, обращенных к Аллаху, обыкновенно упоминается то, о чем будет говориться в книге. Если автор пишет о браке, то книгу свою, после первой вышеупомянутой фразы, он начинает так: «Хвала Аллаху, создавшему род человеческий и сделавшему мужчин и женщин, и т. д.». Здесь и далее — Примечания переводчика.

² Персидское слово Шахрияр означает «друг города».

³ Имя Шах-Земан значит «Царь времени».

⁴ Визирь, лицо, приближенное к восточным царям, нечто вроде наших министров. Лицо, которое несет на себе бремя управления царством. О значении визиря можно судить по словам Магомета, сказавшего: «Кто бы ни царствовал над мусульманами, но если Аллах пожелает оказать милость, то даст им хорошего визиря».

приготовить хорошие подарки, а именно: лошадей, украшенных золотом и драгоценными камнями, мамелюков, красивых девственниц и дорогих тканей¹. Затем он написал брату письмо², в котором выразил сильное желание видеть его, и, запечатав, передал визирю вместе с вышеупомянутыми подарками, приказав своему министру напрямч все свои силы и, подобрав полы одежды, постараться вернуться обратно. Визирь, не теряя времени, отвечал: «Слушаю и повинуюсь» — и начал готовиться к отъезду: он уложили сво вещи, перевез груз и в течение трех дней готов был к выезду. На четвертый день он простился с царем Шахрияром и направился по степям и пустыням. Он ехали ночь и день, и каждый находившийся под главенством царя Шахрияра царь, через столицу которого он проезжал, выходил к нему навстречу³ с богатыми подношениями и дарами из золота и серебра и угощал его в течение трех дней, после чего на четвертый день он в течение целого дня сопровождал его и затем прощался. Таким образом визирь продолжал свой путь, пока не приблизился к Самарканду, куда он послал нарочного, чтобы предупредить царя Шах-Земана о своем приближении. Нарочный вошел в город, спросил, как пройти во дворец, и, войдя к царю, поцеловал прах

у ног его⁴ и сообщил ему о приближении визиря его брата, вследствие чего Шах-Земан приказал своим главным царедворцам и сановникам своего государства выехать к нему навстречу. Они исполнили это приказание и, встретив визиря, приветствовали его и вплоть до самого города шли у его стремян. Визирь явился сам к царю Шах-Земану, высказал в виде приветствия молитву о небесной к нему милости, поцеловал прах у ноги его и сообщил ему о желании брата видеть его, после чего он передал ему письмо. Царь взял письмо, прочел и понял его содержание, и отвечал, высказав готовность повиноваться приказанию брата:

— Но, — сказал он, обращаясь к визирю, — я не поеду, пока не угощу тебя в продолжение трех дней.

В силу этого он поместил его во дворец, достойный его звания, разместил отряд его по палаткам и распорядился всем, касающимся их еды и питья, и таким образом они прожили три дня. На четвертый день он собрался в путь, приготовил свои вещи и собрал дорогие подарки, соответствующие достоинству его брата.

Окончив эти сборы, он послал вперед свои палатки, и верблюдов, и мулов,

¹ Обычай, отправляясь в гости, везти с собой подарки существовал испокон веков и сохранился до наших дней. Отказаться от подарка, это значит нанести смертельное оскорбление лицу дарящему.

² Письма мусульман отличаются особенными выражениями правил вежливости. Бумага употребляется толстая, белая и очень гладкая; иногда она разрисовывается золотыми цветами, и края всегда гладко обрезаны.

³ Обычай посылать депутацию, чтобы встретить и приветствовать приближающегося посла или сановника, сохранился на Востоке до настоящего времени.

⁴ Мусульмане различным образом выражают свое почтение: 1) Прикладывают руку к груди. 2) Рукой касаются губ и лба или чалмы. 3) Точно так же касаются рукою, но при этом слегка наклоняют голову. 4) То же самое, но только наклоняют все тело. 5) То же самое, но предварительно правой рукой касаются земли. 6) Целуют руку лицу, которому хотят выразить почтение. 7) Целуют ему рукав. 8) Целуют край одежды. 9) Целуют ноги. 10) Целуют ковер или землю у ног. Первые пять приветствий сопровождаются словами: «Мир с вами», и в ответ говорится: «Да будет с вами мир, и над вами милость и благословение Господа!» Самый последний обычай нынче уже совершенно вышел из употребления.

и прислугу, и телохранителей, назначил визиря правителем страны во время своего отсутствия и выехал во владения брата. Но в полночь¹ он вспомнил, что оставил во дворце вещь, которую ему надо было взять с собою, и, вернувшись за нею, он застал свою жену спящей на его постели вместе с рабом-негром, уснувшим рядом с нею. При виде этого у него потемнело в глазах, и он проговорил про себя: «Если так поступается в то время, как я не успел еще выехать из города, то как же поведет себя эта подлая женщина, когда я буду гостить у брата?» Он выдернул свой меч и в постели же убил обоих, после чего тотчас же вернулся, отдал приказ к выезду и направился в столицу брата.

Шахрияр, обрадованный вестью о его приближении, сейчас же отправился к нему навстречу, приветствовал его и с восторгом поздоровался с ним. Он приказал по этому случаю разукрасить город и старался веселым разговором занять брата. Но мысли царя Шах-Земана были полны воспоминаниями о поведении его жены; им овладела страшная тоска; лицо его побледнело, а тело похудело. Брат его заметил, какая произошла в нем перемена, и, думая, что причиной ее может быть отъезд из дома, воздержался от расспросов, но по прошествии нескольких дней он наконец сказал ему:

— О брат мой, я вижу, что тело твое худеет, и лицо твое сделалось бледным.

— О брат мой, — отвечал он, — у меня есть душевное горе. — Но он не сообщил ему о поведении жены, чему он был свидетелем.

— Мне хотелось бы, чтобы ты отправился со мной на охоту, — предложил

ему Шахрияр. — Может быть, она развлечет тебя.

Но он отказался, и Шахрияр отправился на охоту один.

Во дворце царя некоторые окна выходили в сад; и в то время как царский брат смотрел в одно из них, дверь из дворца отворилась, и из нее вышло сначала двадцать рабынь, а потом двадцать рабов-негров, вслед за ними вышла жена царя, замечательная необыкновенной красотой и грацией²; и все они прошли к фонтану, кругом которого и расположились. Царская жена затем крикнула: «О, Месуд!» — и вслед за тем к ней подошел черный раб и поцеловал ее; она сделала то же самое. Точно так же делали и другие рабы и женщины; и все они забавлялись таким образом до самого вечера. Увидав это зрелище, Шах-Земан подумал:

«Клянусь Аллахом, мое несчастье менее велико, чем это!»

Его тоска и горе несколько успокоились, и он не мог более отказываться от яств и питья.

Когда брат его вернулся с охоты и они поздоровались друг с другом, царь Шахрияр заметил, что цвет лица брата его, Шах-Земана, поправился, и он приобрел здоровый вид, и что после постоянного воздержания он стал есть с аппетитом. Царь очень удивился и сказал:

² Многие думают, что, по понятиям восточных людей, женская красота соединяется непременно с полнотой. Но это вовсе не так. В арабских поэтических произведениях воспеваются тоненькие девушки, как тростник между растениями или как ветка восточной ивы. Лицо ее, как ясный месяц, а волосы — как мрак ночи, и спускаются на спину. Румянец покрывает щеки, и родинка на них прибавляет прелести. Глаза миндальной формы должны быть непременно черные, блестящие, но с поволокой и с длинными ресницами. Брови тонкие и крутые, лоб широкий и чистый, как слоновая кость, губы ярко алые, а зубы «как жемчуг, обделанный в коралл».

¹ Вследствие зноя путешествия совершались обыкновенно ночью.

— О брат мой! Когда я видел тебя в последний раз, лицо твое было бледно, а теперь оно посвежело; скажи мне, что с тобой?

— Я расскажу тебе о причине бледности моего цвета лица, — отвечал Шах-Земан, — но извини меня, если я не сообщу тебе, почему свежесть снова вернулась ко мне.

— Прежде всего, — продолжал Шахрияр, — сообщи мне причину твоей бледности и твоей болезненности. Говори же.

— Ну, так знай, о брат мой, — отвечал он, — что когда ты послал своего визиря пригласить меня к себе, я собрался в дорогу и только что выехал из города, но вспомнил, что забыл дома тот бриллиант, который я привез тебе в подарок, вследствие этого я вернулся за ним во дворец и нашел жену свою спящей у меня на постели вместе с черным рабом; я убил их обоих и поехал к тебе, но голова моя была постоянно занята мыслями об этом деле, и вот почему я был так бледен и слаб; причину же своего выздоровления, прости меня, я рассказать тебе не могу.

Услышав рассказ брата, царь сказал:

— Именем Аллаха умоляю тебя сообщить мне причину твоего выздоровления.

И брат рассказал царю все, что видел.

— Я хочу видеть это своими собственными глазами, — сказал Шахрияр.

— В таком случае, — отвечал Шах-Земан, — сделай вид, что снова отправляешься на охоту, и спрячься здесь со мной, и ты увидишь, что будет, и лично удостоверись во всем.

После этого Шахрияр тотчас же дал знать, что он имеет намерение поохотиться еще раз. Войска его вышли из города с палатками, царь последовал за

ними и, отдохнув немного в лагере, сказал своей прислуге:

— Не допускайте ко мне никого.

Он переоделся, вернулся к брату во дворец и сел у одного из окон, выходящих в сад; и после того как он пробыл там некоторое время, женщины и госпожа их вошли в сад вместе с черными рабами и начали то же самое, что рассказывал царский брат, и продолжали до самой вечерней молитвы.

Когда царь Шахрияр увидал все это, он совершенно потерял голову и сказал своему брату Шах-Земану:

— Вставай и пойдем, куда глаза глядят, и откажемся от наших государств до тех пор, пока мы не увидим, что подобное несчастье постигло кого-нибудь еще, а не одних нас; если же мы этого не увидим, то смерть лучше нашей жизни.

Брат его согласился на это предложение, и они вышли в маленькую дворцовую дверь и шли постоянно дни и ночи, пока не пришли к дереву, стоявшему посреди поляны на берегу ручья, неподалеку от морского берега. Они напились из ручья воды и сели отдохнуть; с наступлением полного дня солнце точно затуманилось, и перед ними вырос черный столб, поднимавшийся к небу и приближавшийся к лугу. Пораженные ужасом при этом зрелище, они влезли на дерево, к счастью, невысокое, и стали оттуда смотреть, что из этого выйдет, и увидали, что это был Шайтан, гигантского роста, широкоплечий и огромный, с сундуком на голове.

Он спустился на землю и подошел к дереву, на котором сидели оба царя. Поместившись около него, он открыл сундук, вынул из него ящик поменьше, который тоже открыл, и из этого ящика вышла молодая женщина, миловидная и прекрасная, как ясное солнце. Шай-

тан¹, взглянув на нее, сказал: «О, женщина благородного происхождения, которую я унес в вечер ее свадьбы! Мне хочется поспать немного». И, положив голову к ней на колени, он заснул.

Красавица подняла тут глаза и увидела на дереве двух царей; после чего она тотчас же сняла голову Шайтана со своих колен и, положив ее на землю, встала под деревом и стала делать царями знаки, точно хотела сказать:

— Слезайте и не бойтесь этого дьявола. Они ей отвечали:

— Ради самого Аллаха умоляем тебя извинить нас в этом отношении.

— Ради того же самого прошу вас спуститься, — сказала она. — Если же вы этого не сделаете, то я разбужу Шайтана, и он предаст вас лютой смерти.

Испугавшись таких угроз, они сошли к ней, пробыли с ней, сколько она желала. Затем она достала из кармана мешочек, а из мешочка вынула шнурок с нанизанными на нем девяноста восьмью перстнями и спросила их:

— Знаете ли вы, что это такое?

— Нет, не знаем, — отвечали они.

— Владельцы этих перстней, — сказала она, — все были допущены к беседе со мной, совершенно такой, к какой вы сейчас были допущены, без ведома этого глупого Шайтана; поэтому и вы, братья, дайте мне по кольцу.

Они сняли для нее со своих пальцев по кольцу, и затем она сказала им:

— Этот Шайтан похитил меня в вечер моей свадьбы и запер меня в ящик, а ящик поставил в сундук, приделав

к нему семь замков, и, спрятав меня такими образом, поставил сундук на дно бушующего моря, под плещущие волны, не зная, что если кто-нибудь из нашего пола пожелает что-нибудь сделать, то никому не остановить ее. В подтверждение этого вот что говорит один из поэтов:

Не верь ты женщины лживым
обещаньям:

Ведь вся любовь и ненависть у них
Одним страстям подчинена всегда.
Любовь их неверна; и их одежды
Скрывают под собою вероломство.
Рассказ мой про Юсуфа да послужит
Тебе примером и спасет тебя
От их искусно скрытого коварства;
Или тебе неведомо, что Иблис
Изгнали из рая за жену Адама.

А другой поэт говорит:

Да, женщинам опасно запрещать:
Такой запрет в них создает влеченье
Как раз к тому, что запрещают им,
И их желанье превращает в страсть.
Когда мне знать такую страсть придется,
То я, конечно, испытаю то же,
Что испытали до меня другие.
Достоин удивленья тот, который
Умел спастись от женщины сетей...
Скажи тому, кто удручен несчастьем,
Что ведь оно не вечно. Как минует
Блаженство, так минуют и несчастья².

Когда цари услышали от нее эти слова, они были поражены сильнейшим удивлением, и один сказал другому:

— Если даже Шайтан подвергнулся еще большему несчастью, чем подвер-

¹ В этих сказках беспрестанно упоминается о шайтане. Мусульмане верят в три различных вида разумных веществ, а именно: в ангелов, созданных из света, Джинни, созданных из огня, и людей, созданных из земли. Возмутившиеся Джинни называются шайтанами, или дьяволами.

² Арабы нередко говорят между собой об испорченности женщины. Они считают ее лишенной здравого смысла, но полной лукавства.

глись мы, то это может послужить нам утешением.

И они тотчас же ушли и вернулись в город.

Как только они вернулись во дворец, Шахрияр приказал обезглавить свою жену, рабынь и черных рабов, и после этого он ввел обыкновение после каждой ночи, проведенной с девственницей, убивать ее. Таким образом он поступал в продолжение трех лет; и народ зароптал против него и бежал со своими дочерьями; и в городе не осталось ни одной девушки, по годам годной для брака¹. В таком положении находились дела, когда царь приказал визирю привести ему девушку, согласно его обыкновению; и визирь отправился на поиски и ни одной не нашел. Он вернулся домой в ярости и досаде, боясь, что царь с ним что-нибудь сделает.

У визиря было две дочери, старшую из которых звали Шахрезадой, а младшую—Дунеазадой. Старшая читала много исторических книг и жизнеописаний предшествовавших царей и рассказов о прошлых поколениях. Говорят, будто у нее было собрано до тысячи книг по истории, рассказывающей о предшествовавших поколениях и царях, и произведения поэтов; и, увидав теперь отца, она сказала ему:

¹ Трудно поверить, чтобы существовал такой жестокий царь, а между тем в истории Востока нам попадаются еще более ужасные жестокости. Так, например, один халиф египетский Эс-Захир, сын Эль-Гакима, собрал всех рабынь, бывших во дворце, и приказал им собраться всем в известный день одетыми в лучшие наряды и драгоценности, говоря, что он задаст им такое пиршество, какого они еще не видали. В известный день они все собрались в зале, а халиф приказал замуравать все двери, и все они умерли. Это было как раз в пятницу, в день мусульманской молитвы. Замуравленных женщин было две тысячи шестьсот шестьдесят рабынь. Через шесть месяцев он сжег их тела.

— Отчего это ты так изменился и так молчалив и печален?

Один из поэтов говорит:

Скажи тому, кого гнетут заботы,
что заботы не вечны.
Как минует счастье,
так минует и несчастье.

Когда визирь услышал слова дочери, он передал ей все, что случилось с ним относительно приказания царя, на что она отвечала ему:

— Клянусь Аллахом, о мой отец, выдай меня замуж за этого царя, или я умру и, следовательно, послужу выкупом за дочь какого-нибудь мусульманина, или я останусь жить и избавлю всех от него.

— Аллахом заклинаю тебя, — вскричал он, — не подвергать себя такой опасности! Она же сказала:

— Так должно быть.

— В таком случае, — сказал он, — я боюсь, чтобы с тобой не случилось того же, что случилось в рассказе об осле, о воле и о муже.

— А что это такое, о мой отец? — спросила она.

— Знай, о дочь моя, — сказал визирь, — что жил-был один богатый купец, имевший скот, жену и детей; и Господь, имя которого он прославлял, даровал ему способность понимать язык животных и птиц. Купец этот жил в деревне, и в доме у него были осел и вол. Вол, придя в стойло, где был привязан осел, увидал, что он вымыт и вычищен, а в яслях у него насыпан ячмень и резаная солома, и осел спокойно жевал; хозяин обыкновенно выезжал на нем по делам и скоро возвращался, и однажды купец слышал, как вол говорил ослу: «Тебе корм пойдет впрок! Я совсем измучен, а ты только отдыхаешь, ешь просе-

янный ячмень, люди прислуживают тебе, а хозяин лишь изредка ездит на тебе и возвращается, тогда как я постоянно пашу и верчу мельничное колесо. Осел отвечал: «Когда ты придешь в поле и на шею тебе наденут ярмо, ляг и не вставай, хотя бы тебя осыпали ударами, или же встань и ляг во второй раз; и когда тебя приведут обратно и поставят перед тобой бобы, не ешь их, как будто ты болен; не ешь и не пей день, или два дня, или три дня, и таким образом ты отдохнешь от тревоги и труда». Вследствие этого, когда работник пришел задать корма волу, он едва коснулся еды, а на следующий день, когда работник пришел за ним, чтобы свести на пашню, он нашел его, по-видимому; совершенно больным.

Таким образом, купец сказал: «Возьми осла и паши на нем целый день». Работники так и сделал, и, когда осел вернулся в стойло вечером, вол поблагодарили его за сделанное ему одолжение и за доставленную ему возможность отдохнуть целый день, но осел ничего ему не ответил, так как серьезно раскаивался.

На следующий день пришедший пахарь опять взял осла и пахал на нем до самого вечера, и осел вернулся со стертой ярмом шейей и ослабевшим от усталости, а вол, посмотрев на него, снова стал его благодарить и хвалить. Осел вскричал: «Как хорошо мне жилось, и погубил я себя, вмешавшись в чужие дела!» Затем он сказал волу: «Теперь ты знаешь, что я даю хорошие советы: я слышал, как хозяин наш говорил работнику, что если вол не встанет, то сведи его к мяснику, чтобы заколоть, и из кожи сделать хоть нату¹ поэтому я очень за тебя опасаюсь и предупреждаю тебя; да будет над тобою мир». Вол, услышав это предостережение осла, поблагодарил его и сказал: «Завтра я вскочу как встрепанный». Он съел весь свой корм и даже облизал ясли. А хозяин подслушивал их разговор.

¹ Ната делается из большого круглого куска кожи, которую расстилают на землю, вместо скатерти для обеда. Ната употребляется преимущественно во время путешествий. Кругом нее продета веревка, которую стягивают, и тогда ната образует мешок для остатков провизии.

На следующее утро купец и жена его пошли к волу в стойло и сели там. Работник пришел и повел вола, а вол, увидав хозяина, задрал хвост и разными звуками и прыжками показал свою готовность служить и скакал так, что купец захохотал и от хохота опрокинулся назад. Жена его с удивлением спросила: «О чем ты смеешься?» Он отвечал: «Я смеюсь над тем, что видел и слышал, но не могу рассказать, а если бы рассказал, то умер бы». Она сказала: «Ты должен рассказать мне о причине твоего смеха, если бы даже умер от этого». — «Я не могу рассказать, — сказал он: — страх перед смертью не позволяет мне». — «Ты смеялся только надо мною», — сказала она и продолжала добиваться и мучить его до тех пор, пока он совсем не изморился. Таким образом, он собрал своих детей и послал за кадием¹ и свидетелями, чтобы написать завещание и потом, открыв жене тайну, умереть, так как он очень любил ее, тем более что она была дочерью его дяди и матерью его детей и он прожил с нею до ста двадцати лет. Собрав свою семью и своих соседей, он рассказал им свою историю и прибавил, что должен умереть, лишь только откроет свою тайну; после чего каждый из присутствующих обращался к ней со словами: «Именем Аллаха умоляем тебя, чтобы ты бросила это дело и не допускала умереть твоего мужа и отца твоих детей». Но она говорила: «Я не могу успокоиться, пока он не скажет мне, хотя бы от этого, ему пришлось умереть». Таким образом они перестали упрашивать ее, а купец оставил их и отправился в сарай, чтобы сделать

¹ Кадием называется судья, произносящей приговоры как по нравственным, так по религиозным, гражданским и уголовным делам. В маленьких городах он исполняет, кроме того, обязанности нотариуса при заключении контрактов.

омовение и затем, вернувшись, сообщить тайну и умереть.

У него были петух и пятьдесят кур, и была собака; и он услышал, как собака обратилась к петуху и с упреком сказала ему: «И ты можешь быть весел, когда хозяин наши готовится к смерти?» — «Как так?» — спросил петух. И собака рассказала ему всю историю, в ответ на что петух вскричал: «Клянусь Аллахом, у нашего хозяина немного ума: у меня пятьдесят жен, да я одну утешу, другую побраню, а у него всего одна жена, и он не может сладить с нею. Отчего бы ему не взять несколько прутьев тутового дерева и, войдя к ней в комнату, не отхлестать ее до тех пор, пока она или не умрет, или не раскается? После этого она никогда не станет приставать к нему с расспросами». Купец, услышав этот разговор собаки с петухом, одумался и решил побить жену.

— А теперь, — продолжал визирь, обращаясь к своей дочери Шахерезаде, — может быть, мне лучше поступить с тобой так, как купец поступил со своей женой?

— А что же он сделал? — спросила она.

— Он срезал несколько прутьев тутового дерева и спрятал их в своей комнате, а затем сказал жене: «Пойдем к тебе в комнату, и я скажу тебе там тайну и, пока меня никто не видал, умру. А лишь только она вошла, он на ключи запер дверь и бил ее до тех пор, пока она не лишилась почти чувств и не закричала: «Я раскаиваюсь». Она целовала ему руки и ноги и вышла с ним из комнаты, и все присутствующие, и вся семья очень радовались, и они до самой смерти счастливо прожили вместе.

Дочь визиря, выслушав рассказ отца, сказала ему:

— А все-таки надо сделать по-моему.

Он приготовил ее и отправился к царю Шахрияру. А она стала учить сестру, сказав ей:

— Когда я уйду к царю, я пошлю звать тебя к себе, и когда ты придешь ко мне и выберешь подходящее время, скажи: «О, сестра моя, расскажи мне какую-нибудь историю, чтобы скоротать время». И я начну рассказывать тебе историю, которая, если угодно Богу, послужит средством освобождения.

Отец ее, визирь, повел ее к царю, который, увидав ее, обрадовался и сказал:

— Так ты привел мне то, что я желал?

— Да, — отвечал визирь.

Когда царь познакомился с ней, она заплакала.

— Что с тобою? — сказал он ей.

— О царь, — отвечала она, — у меня есть младшая сестра, и мне хотелось бы проститься с нею.

Царь послал за нею, и она пришла и, обняв сестру, села на край постели и, выждав удобную минуту, сказала:

— Ради Аллаха, о сестра моя, расскажи нам какую-нибудь историю, чтобы скоротать время.

— Охотно, — отвечала Шахерезада, — если добродетельный царь позволит мне.

А царь, услышав эти слова и не чувствуя желаний спать, был доволен возможностью послушать историю, и таким образом в первую ночь из тысячи одной ночи Шехерезада начала свои рассказы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начинается с первой ночи и кончается в половине третьей ночи

Купец и Шайтан

— **М**не рассказывали, о счастливый царь, — сказала Шехерезада, — что жил на свете купец, обладавший крупным богатством. Купец этот вел крупную торговлю с окрестными государствами, и однажды он сел на лошадь и поехал в соседнюю страну собирать долги. Истомленный от зноя, он сел под деревом в саду и, засунув руку в мешок у своего седла, достал кусочек хлеба и финик, находившийся у него между провизией.

Съев финик, он бросил косточку, и перед ним тотчас же явился огромного роста Шайтан, который подошел к нему с поднятым огромным мечом в руке и сказал:

— Вставай для того, чтоб я мог убить тебя, как ты убил моего сына.

— Как я убил твоего сына? — спросил купец.

— Когда ты ел финик, — отвечал он, — и бросил косточку, она попала моему сыну в грудь, и, по определению судьбы, он тотчас же умер.

Купец, услышав эти слова, вскричал:

— Поистине мы принадлежим Господу, и поистине мы должны вернуться к Нему! Силой и властью обладает только Всевышний, Ведший Господь! Если я убил его, то сделал это неумышленно и совершенно не зная этого, и я верю тебе, что ты тотчас же простишь мне.

— Смерть твоя, — отвечал Шайтан, — неизбежна, так как ты убил моего сына. — И, говоря таким образом, он схватил его, бросил на землю и поднял руку, чтобы убить мечом.

Тут купец горько заплакал и сказал Шайтану:

— Предоставляю судьбу свою Господу, так как никто не может избежать того, что определено Им... — И, продолжая свои стенания, он повторил следующие стихи:

За ясным днем дождливый день —
то время,

А в нашей жизни две есть половины:
Счастливая и полная страданий.

Скажи тому, кто упрекнет тебя
За все твои несчастья и невзгоды;
Да разве счастье лишь одними

вельможами

Дается Небом? Разве ты не видишь,
Что трупы мертвых плавают по морю,
А жемчуг драгоценный остается
Сокрытым в глубинах морского дна?
Когда рука судьбы нас поражает,
То весть о том несчастьи приносит

Нам медленный холодный поцелуй.
На небе счета нет горящим звездам;
Но только лик луны и солнца меркнет,
И в мрак затменья погружает землю.
Деревьям на земле нет счету тоже,
Но только в те камнями бросают,
Что носят на ветвях своих плоды.
Ты похвалами восхваляешь дни,
Когда тебя рука ласкает счастья,
...И не боишься ты несчастных дней,
Которые злой рок приносит людям.

Когда он окончил читать стихи, Шайтан сказал ему:

— Не трать слов попусту, смерть твоя неизбежна.

— Ну, так знай, Шайтан, — отвечал купец, — что у меня есть долги, которые надо заплатить, что у меня много имущества, есть дети, жена, есть заклады; и поэтому позволь мне съездить домой и отдать всем, что следует, и затем я вернусь к тебе; я обязуюсь клятвенным обещанием, что вернусь к тебе, и ты сделаешь со мною, что угодно. Сам Бог пусть будет свидетелем моих слов.

Шайтан принял его условие и отпустил его, взяв обещание, что по прошествии года он вернется.

Купец после этого вернулся в свой город, сделал все, что считал нужным сделать, заплатил каждому, что был должен, и сообщил жене и детям о том, что с ним случилось. Услыхав это, как они, так и его родные и женщины заплакали. Он назначил опекуна над детьми и прожил со своей семьей до конца года. Тогда он взял под мышку саван¹, простился со своими домашними и соседями, и со всеми родными и против воли поехал, а семья его плакала, кричала и стонала.

Он ехал, пока не добрался до вышеупомянутого сада, что было в первый день Нового года, и в то время как он сидел, оплакивая несчастье, обрушившееся на него, к нему подошел уже старый шейх, который вел лань на цепочке, привязанной к ней. Шейх² приветствовал купца пожеланием ему долголетия и сказал:

— Что за причина, что ты сидишь один в таком месте, зная, что это притон Шайтана?

Купец рассказал ему, что случилась за история между ним и Шайтаном, и о причине его пребывания здесь. Шейх, владелец лани, очень удивился и сказал:

— Клянусь Аллахом, о брат мой, твоя верность велика, и история твоя удивительна! Если б ее могли запомнить, то она послужила бы уроком всякому, кто захотел бы видеть в ней предостережение!

¹ У магометан существует обычай брать с собой на войну или отправляясь в продолжительное путешествие, в особенности в пустыню, саван, так как всякому хочется быть погребенным по закону. Купец, о котором идет речь, вероятно, надеялся, что шайтан или прохожие обмоют его, оденут и похоронят.

² Слово «шейх» собственно означает «почтенный человек», но вообще же оно равносильно слову «господин» и дается всякому мусульманину.

И, опустившись подле него, он сказал:
— Клянусь Аллахом, о брат мой! Я не покину этого места до тех пор, пока не увижу, что выйдет у тебя с Шайтаном.

Расположившись подле него, они начали беседовать. А купец почти лишился чувств; его охватили страх, ужас, страшное горе и ужасная тревога. В то время как владелец лани сидел подле него, вдруг к ним подошел второй шейх, с двумя черными собаками и, поклонившись, спросил у них: «Зачем сидят они в таком месте, которое считается притоном Шайтана», и они рассказали ему всю историю с начала до конца.

И лишь только он сел подле них, как подошел третий шейх с пегим мулом и задал им тот же вопрос, на который был дан тот же ответ.

Вслед за этим поднялась пыль и закрутилась громадным столбом, двигавшимся со стороны пустыни; затем пыль рассыпалась, и показался Шайтан с обнаженным мечом в руке и с глазами, из которых сыпались искры. Он приблизился к ним и, вытащив от них купца, сказал ему:

— Встань для того, чтоб я мог убить тебя, как ты убил моего сына, живого духа моего сердца.

Купец зарыдал и заплакал, и три шейха точно так же выразили свое горе, плача и громко рыдая и сетуя. Но первый шейх, хозяин лани, пришел в себя и, поцеловав руку Шайтану, сказал ему:

— О ты, Шайтан, венец царей дьяволов! Если я расскажу тебе историю как свою, так и этой лани, и ты найдешь ее занимательной и даже более занимательной, чем история этого купца, то отдай мне право на треть его крови?

— Хорошо, — отвечал он. — О шейх, если ты расскажешь мне историю, и я найду ее такой, как ты говоришь, то отдам тебе третью часть своего права на его кровь.

Первый шейх и лань

— Ну, так знай же, о Шайтан, — сказал шейх, — что эта лань — дочь брата моего отца и одной со мной крови и плоти. Я взял ее себе в жены, когда она была молода¹, и прожил с ней около тридцати лет; но детей у нас не было, и потому я взял себе в наложницы рабыню², и от нее у меня родился мальчик, красивый, как молодой месяц, с прелестными глазами, с тонкими бровями, со статными ногами, и он, вырастая мало-помалу, дожил до пятнадцати лет. В это время мне неожиданно пришлось ехать в другой город с большим запасом товаров.

Двоюродная сестра моя, вот эта лань, училась волшебству и гаданью с юных лет; и во время моего отсутствия она обратила вышеупомянутого мальчика в теленка, а мать его — в корову и отдала их под надзор пастуха. Вернувшись после долгого отсутствия, я спросил, где мой сын и его мать, и она сказала:

— Рабыня твоя умерла, а сын твой бежал, но куда — я не знаю.

Услыхав это, я горевал целый год и плакал до самого праздника жертвоприношений, когда я послал к пастуху и приказал ему выбрать для меня жирную корову. Он привел мне корову, и она оказалась моей наложницей, обращенной этой ланью. Я загнул полы своего платья, заворотил рукава и, взяв в руку нож³, приготовился заколоть ее,

¹ Арабы называют жену молодой, когда ей двенадцать лет.

² Рабы и рабыни у магометан состоят из людей, взятых в плен на войне, или же из детей, родившихся от рабов. Рабы преимущественно берутся из Абиссинии и других стран Африки.

³ Мусульмане должны убивать скот для еды особым способом. Домашних животных закалывают,

но она так мычала и так стонала, что я ее оставил и приказал пастуху заколоть ее и снять кожу; и он исполнил мое приказание, но в ней не оказалось ни жиру, ни мяса и ничего, кроме костей и кожи. Я раскаялся, что убил ее, но раскаяние это было позднее. Вследствие этого я отдал ее пастуху и приказал привести мне жирного теленка, и он привел мне моего сына, обращенного в теленка. Теленок, увидав меня, оборвал веревку, прибежал ко мне и так прыгал, так радовался и так кричал, что мне его стало жаль, и я сказал пастуху:

— Приведи мне корову, а этого...

Тут Шехерезада увидала, что начало светать, и не стала дальше продолжать рассказ. Сестра же сказала ей:

— Какая славная история! Какая занимательная, веселая и приятная!

Но она отвечала:

— Что она значит в сравнении с той, что я расскажу тебе в завтрашнюю ночь, если я останусь жива и царь пощадит меня.

А царь сказал:

— Клянусь Аллахом, я не убью ее, пока не услышу конца истории.

После этого они приятно провели ночь до самого утра, когда царь отправился в зал суда, и визирь прошел туда же с саваном под мышкой. Царь судил, и производил допросы, и смещал с должностей до конца дня, не сказав визирю о том, что случилось. Министр был очень удивлен. Суд был распущен, и царь вернулся к себе во дворец.

(На другую ночь и на все последующие ночи Шехерезада продолжала до

вают, перерезая им горло. Резать скотину может мусульманин, или христианин, или еврей, как мужчина, так и женщина. Приступая к этой операции, надо призывать помощь Аллаха.

такой степени заинтересовывать царя Шахрияра своими рассказами, что он постоянно откладывал исполнение над нею казни, в ожидании, что запас ее занимательных рассказов скоро кончится, и так как в оригинале каждая ночь заключалась всегда одними и теми же словами, то в настоящем переводе мы выпустим эти повторения.)

— Когда шейх увидал, — продолжала Шахрезада, — слезы теленка, то в сердце своем он почувствовал жалость и сказал пастуху:

— Оставь теленка этого в стаде.

Джинну понравилась эта странная история, а хозяин лани продолжал:

— О господин царей дьяволов, в то время как это происходило, моя двоюродная сестра, вот эта лань, посмотрела на теленка и сказала: «Заколи этого теленка, потому что он жирный». Но я не мог заколоть и приказал пастуху увести его, и он взял его и увел.

На другой день я сидел у себя, когда он пришел ко мне и сказал:

— О хозяин! Я скажу тебе нечто, что тебе будет очень приятно слышать,

и тебе надо будет вознаградить меня за хорошую весть¹.

— Хорошо, — отвечал я, и он продолжал:

— О купец! У меня есть дочь, которая в юности выучилась колдовству от одной старухи из нашей родни; и вчера я привел теленка, что ты мне дал, к ней, и она, взглянув на него, закрыла себе лицо и заплакала, а потом засмеялась и сказала: «О, мой отец, неужели я так низко упала в твоём мнении, что ты приводишь ко мне посторонних мужчин?»² — «Да где же, — сказал я, — тут посторонние мужчины? И зачем ты плакала и смеялась?» Она же отвечала: «Этот приведенный тобой теленок — сын нашего хозяина, купца, жена которого оборотила обоих, и его, и мать его; и вот причина моего смеха; а плакала я о его матери, так как его

¹ У мусульман существует обычай одаривать лицо, которое приносит хорошую весть.

² Магометанская женщина не должна показывать своего лица никому из мужчин, кроме близких родственников или таких, за которых она почему-либо не может выйти замуж.

отец убил ее». Я до крайности этому удивился и, лишь только увидел, что начало светать, как тотчас же поспешил уведомить тебя.

Услыхав эти слова пастуха, я от радости и неожиданного счастья охмелел без вина и отправился с ним к нему в дом, где дочь его приветствовала меня и поцеловала мне руку, а теленок прибежал ко мне и стал ласкаться.

— Правда ли, — сказал я пастуховой дочери, — то, что ты сказала об этом теленке?

— Правда, о мой хозяин, — отвечала она. — Он — действительно твой сын и родной дух твоего сердца.

— Девушка, — сказал я, — если ты обернешь его в человека, то я дам тебе весь скот и все мое имущество, находящееся в руках твоего отца.

Услыхав это, она улыбнулась и сказала:

— О мой хозяин, я не желаю твоего имущества, и если возьму его, то только на двух условиях: во-первых, что ты выдашь меня замуж за твоего сына и, во-вторых, что ты позволишь мне околдовать ту, которая обратила его, а иначе я не могу быть защищена от ее чар.

Услыхав, о Шайтан, эти слова ее, я сказал:

— И ты получишь, кроме того, все имущество, находящееся на руках твоего отца, а что касается до моей двоюродной сестры, то даже кровь ее по закону должна принадлежать тебе.

Услыхав это, она взяла чашку, налила в нее воды, пошептала над ней какое-то заклинание и, вспрыснув ею теленка, сказала:

— Если Господь создал тебя теленком, то останься в его образе и не меняйся; но если ты заколдован, то прими свой первоначальный образ с позволе-

ния Аллаха, имя которого да будет прославлено!

После этого он встряхнулся и сделался человеком, а я бросился к нему и сказал:

— Именем Аллаха умоляю тебя сказать мне все, что моя родная сестра сделала с тобой и с твоей матерью.

И он рассказал мне все, что случилось с ними обоими, на что я сказал ему:

— О сын мой, Господь послал тебе избавительницу и сожительницу, — и я выдал за него пастухову дочь, после чего она обратила мою двоюродную сестру в лань. И так как мне случилось проходить по этой дороге, где я увидел этого купца, то и спросил у него, что с ним случилось. Получив от него ответ, я сел подле него, чтобы дождаться, чем судьба его кончится. Вот и вся моя история.

— Удивительная история, — сказал Шайтан, — и я отдаю тебе свое право на треть его крови.

Второй шейх, хозяин двух собак, подошел после этого к нему и сказал:

— Если я расскажу тебе свою историю и историю этих двух собак, и ты найдешь ее точно такой же занимательной, то передашь ли ты мне тоже третью часть твоего права на кровь этого купца? Шайтан отвечал, что передаст.

Второй шейх и две черные собаки

— В таком случае знай же, царь царей дьяволов, что эти две собаки — мои братья. Отец наш умер и оставил нам три тысячи червонцев, и я открыл лавку¹, покупки и продажи. Один из

¹ В восточных городах большая часть главных улиц занята рядом лавок с обеих сторон, не имеющих никакого сообщения с верхними этажами, разделенными на квартиры.

моих братьев отправился путешествовать, взяв запас товаров, и целый год пробродив с караванами, вернулся неимущим.

— Разве я не отговаривал тебя от этого путешествия? — сказал я.

Он же заплакал и отвечал:

— О брат мой! Бог, всемогущий и всеславный, предопределил свершившееся, и говорить об этом теперь бесполезно: у меня ничего не осталось.

Я взял его к себе в лавку, затем повел в баню и одел в дорогое платье, выбранное из моей собственной одежды; после чего мы оба сели за обед, и я сказал ему:

— О брат мой! Вот я произведу расчет годовых барышей моей лавки и, выключив основной капитал, разделю их пополам между мной и тобой.

Я произвел расчет и нашел, что барышей у меня осталось две тысячи червонцев, и, благословив Аллаха, всемогущего и всеславного, я с немалым удовольствием разделил барыши на две равные части между мной и им. После этого второй мой брат тоже отправился путешествовать и вернулся таким же неимущим, и я сделал для него то же самое, что сделал для первого брата.

Некоторое время мы прожили вместе, но затем братья мои опять пожелали путешествовать и стали звать меня с собой, но я отказался.

— Что, — сказал я, — приобрели вы во время ваших странствований, и на какие барыши могу я рассчитывать?

Они надоедали мне, но я не соглашался на их требования. И мы в течение еще целого года продавали и покупали в нашей лавке. Но они продолжали уговаривать меня отправиться путешествовать, и я все-таки отказывался, пока, наконец, через шесть лет я не согласился

и не сказал им: «О, братья мои! Нам надо сосчитать, что мы имеем».

Мы действительно сосчитали, и у нас оказалось шесть тысяч червонцев; и после этого я сказал им:

— Половину этого мы зароем в землю для того, чтобы в случае неудачи у нас было на что снова начать торговлю¹.

— Совет твой превосходен, — сказали они.

Таким образом, я взял деньги и разделил их на две равные части, зарыл три тысячи червонцев, а из оставшихся денег дал каждому по тысяче. После того мы приготовили товары, наняли судно, нагрузили наши товары и отправились в путь, продолжавшийся ровно месяц, по прошествии которого мы прибыли в город, где продали наш товар и на каждый червонец получили по десяти.

И когда мы собирались уже пуститься в обратный путь, то увидели на берегу девушку, одетую в лохмотья; девушка поцеловала мне руку и сказала:

— О хозяин мой! Обладаешь ли ты милосердием и добротой? Если обладаешь, то я буду благодарить тебя за них.

— Добродетелями этими я обладаю, — отвечал я, — но тебе не зачем благодарить меня за них.

— О хозяин мой, — сказала она, — возьми меня в свои жены и увези отсюда. Так как я сама отдаюсь тебе², то будь ко мне добр, я заслуживаю, чтобы со мною обращались хорошо и ласково, и буду тебе за это благодарна. Не думай

¹ Из недоверия к служащим и к родственникам арабы зачастую прячут свои деньги, зарывая их под полом.

² Слова: «я сама отдаюсь тебе», сказанные женщиной, делают ее законной женой мужчины, если он согласен взять ее.